

Бюро

ГАЗЕТНЫХ ВЫРЬЗОКЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Надеждинская ул., д. № 32.

Телефонъ № 61-59.

Название газеты

Мѣсто выхода

дата 21 IV 14 № 89

Московскія замѣтки.

I.

Изъ итоговъ сезона.

Художественный сезонъ законченъ, театры «сдали» свои «полюга», кружки, предприниматели, вольные художники великаго искусства, также «сдали» свои «полюга», оставивъ по себѣ опредѣленное неудовольствіе рѣше и во многомъ даже раздраженіе и горечь.

Съ запахомъ весны и первымъ весеннимъ зеленымъ листомъ—потянуло прочь изъ душной театровой, и «мортивной» петли поустрашающаго Габриэля-Вильяма—радовали москвичи много больше, чѣмъ представленіе напольной и частныхъ сценъ, прѣлестныя оперы, оперетты, драмы съ настроеніями и безъ, по обязанности съ ревностью и съ напущкой.

Дѣйствительно, возмемъ Художественный театръ, считающійся въ Россіи лучшимъ, и, не принимая ружье во вниманіе того, что онъ кочлялъ годъ съ убыткомъ,—разсмотримъ безпристрастно его постановки и самый выборъ его пьесъ.

Эта пресловутая Андреевская «Мысль»,—хотѣли, трафаретная, пошлая, бездѣйственная вещь, вся основанная на эффектахъ реальности, болыица, реальности сумасшедства, на комбинаціяхъ въ родѣ обезьяны-органгутапа, помѣщеніи въ кабинетъ пестящаго ученого,—убивала своей скукой и вычурностью искусственной, но совершенно не искусной постановки.

Скупѣйшая «Хозяйка гостиницы»,—избитая старая штука, еще смотрѣвшаяся при покойной Вѣрѣ Беопоповѣ Коммиссаржевской, сохранившей этотъ предметъ своей большой личной сущности,—но тутъ не помогая никакіе превосходнѣйшіе костюмы, никакая реальность, доходившая до настоящаго грязнаго быта и самыхъ подлинныхъ ушатовъ съ мыльной водой на сценѣ; было безынтересно и скучно. Люди зѣвали и шептались о своихъ дѣлахъ.

Искусство, особенно желѣзное публики Москвы, однако, въ Москвѣ чѣстнее страдаетъ довольно сильно—то отъ вѣдомыхъ и достоянныхъ порицаній, то отъ людей пестящихъ и маленькихъ, то отъ признанныхъ авторитетовъ за невозможностью проявленія достойныхъ нудящихъ на шумный трюкъ исключительно отъ чуждаго эффекта...

Вотъ послѣднее: эти диспуты въ Москвѣ по возможности вошли въ моду. Устраиваются диспуты охъ какъ бы любопытно. Прѣзжаютъ петербуржцы, занимаются большой заглъ въ Историческомъ музѣ, разсказываютъ петербуржцы за длинными столами и вѣщаютъ... Какіхъ тутъ только диспутовъ не устраивали... И диспуты о пьесахъ, и диспуты о театрахъ, и о драмѣ, и о писателяхъ, Господи въ

дѣлать, какіе только диспуты не устраивались. Особенно были интересны о «О театръ».—Прѣехали проф. Аничковъ, писатель Федоръ Сологубъ, Вячеславъ Ивановъ, собрались дѣтели театра и стали судить театръ...

Судили, судили,—да все такъ выходило, что о театръ то импоно говорить позабывали какъ-то. Рассказывали о пьесахъ другъ-друга, при чемъ Аничковъ, пестъ своихъ неинтересныхъ, ратовалъ о пьесахъ добрыхъ своихъ прѣтелей, тутъ ему ласково головами кивавшихъ...

Театръ и вопросы о немъ были ровню не при чемъ...

Почти подобными бывали и иные диспуты. Очень часто на эти диспуты, какъ и на частныя лекціи, приходили группой опредѣленныхъ, всей Москвѣ известныхъ личностей—изнѣпавшіе изъ школъ живописи—футуристы, разрывавшіе, ярко и смѣшно раздѣляясь... Они привлекали вниманіе публики и создавали дешовѣйшій успѣхъ «скадала»—ругались, хотѣли надъ публикой и ораторами, остряли грубовато и плоско; частенько ихъ выводили мѣрами полиціи...

Сколько было подобныхъ лекцій объ искусствѣ, о футуризмѣ, о «будущникахъ», гдѣ носъ успѣхъ лекцій постраиваемъ бывалъ вовсе не на матеріалѣ лектора, или его личности, а только на футуристическомъ скандалѣ...

«На футуристовъ» ходили москвичи были любители и таковыми остались, вѣроятно, и далъ будущаго года. «Футуристы»—это молодые, рисующіеся великими оригинальностями, по часто неудачными и неумными выходками, однако, стали желанными зрѣлищемъ для москвичей. Яростножадныхъ и разрисованныхъ молодыхъ людей охотно приглашаютъ въ незнакомые дома на гастроли, посѣщаются, пошутятъ, послушаютъ ихъ разсѣвныя поэмы,—вольныя подражанія Игорю-Съверяну,—недавно отмененнаго, какъ извѣстно, отъ остальныхъ молодыхъ людей, претендующихъ на званіе «будущниковъ».

Футуристическая полоса въ этомъ сезонѣ—явленіе ярко прошедшее и по театральнымъ пошлостямъ въ Москвѣ. Всѣ второстепенныя сцены пытались, такъ или иначе, давать отголоски этого прѣвременнонаго и мертвато «направленія» въ постановкѣ, въ игрѣ, въ выборѣ пьесъ, въ костюмахъ, въ дамскихъ туалетахъ.

Мало того, московскія дамы, опредѣленно подражая футуристамъ, стали носить на вузлахъ рисунки, порою громадной величины: аэропланы, птицы, героини, маленькіе домики, буквы и пензели. Не мало подобными украшеній на дамскихъ вузлахъ было замѣчено въ дни воздушныхъ состязаній на аэродромѣ.

Выдающимся явленіемъ сезона не только Москвы, но Россіи вообще—было практикое существованіе «Свободнаго театра».

Его чистый и истинный художественный порывъ, которымъ отличена была каждая безъ исключенія постановка,—оставляла за собою далеко театръ, котораго названіе «Художественный» мало подходило къ послѣднимъ годамъ его работы. Несомнѣнно, что попытки Свободнаго театра—соединить драму съ музыкой, дать музыкальную мимодраму въ «Покрывало Шереты», дать характерный оскизъ китайскаго театра въ «Желтой кофѣ», изобразить бытъ старинной Италіи въ «Арлезианки» или малороссійскій яркій набросокъ въ «Сорочинской Ярмаркѣ», или смѣлую импрессионистическую «Елены Прекрасной»—заслуживаютъ громаднаго вниманія импоно своей несомнѣнной художественностью и чистотой замысловъ и благородствомъ намѣреній...

Громадныя затраты театра, послужившія причиной его дефицита, доходившаго до 800.000 руб. за одинъ сезонъ, несмотря на несомнѣнный успѣхъ, однако, показали, что можно одѣлать въ Россіи театръ, что онъ нуденъ, что къ нему будутъ жадно прислушиваться, что онъ долженъ возникнуть и возникнуть несомнѣнно. Если въ режиссерской работѣ К. А. Марджанова, А. Я. Тайрова, А. И. Санина были промахи и дефекты, то все-таки это была творческая, искательская дѣятельность, которалъ, дай Богъ, чтобы хоть сколько нибудь сохранилась въ основу нашихъ прочіхъ театровъ. Но увы, къ сожалѣнію, не ложится.

И вотъ характерная черта различія. Какой-нибудь театръ Борша, старый, отбывшій себя свое мѣсто у публики, сводящій концы съ концами, умло и опытно,—вовсе далекий всякихъ исканій и всякой художественности, театръ—коммерческое «дѣло», театръ—рутина, далъ срой примитивной публики, которая есть, разумеется, болыиинство,—этотъ театръ не собираетъ въ себя интеллигентной публики, а посѣщается исключительно публикой кинематографовъ ниже среднего уровня. Публика открыто предпочитаетъ кинематографу театру Борша—свои же жизни, а у Борша—мертвая пошлостя, навязанія въ зубастъ дешовыя сцены со спяческими эффектами, грубыя дотопыи пьесы безъ лица и содержанія, грубое и примитивное вычлененіе заурядъ-ремесленничества...

Публика Свободнаго театра—это отборная интеллигенція Москвы и Петербурга; каждый шагъ Свободнаго театра, это—новое слово, которое съ нетерпѣніемъ ждали и слушали всѣгда съ напряженнымъ вниманіемъ, огорчались всей болыю любовью за каждый промахъ, торжествуя каждый успѣхъ, каждую крупную дорогую и необходимую для искусства удачу...

Кому за весь сезонъ было удѣлено наиболѣе вниманія...

Свободному театру, о которомъ составились уже томы критики въ авторствѣ накушанныхъ знатителей искусства, о которомъ писалось вѣжательно и похрюно за границей, гдѣ от-

мѣтили единственныя цѣнности среди русскихъ театровъ—импоно въ театръ на Баретской. Было пошито и отмѣчено представленіе «Покрывало Шереты»—какъ первое слово новаго драматическаго искусства, тонко и чутко разыгранная мимодрама, съ удивительной пошлотой и крѣпостью строен постановки, съ исключительной пошлотей декораций, задуманныхъ въ стилѣ и краскахъ молчанія, говорившихъ вмѣсто отсутствующихъ словъ актеровъ тонами, диліями, бликами, пятнами, всей яркостью свѣяющихся трогательныхъ картинъ, всѣми возможными отбѣсками толстаго трагизма и живого мятущагося страданія.

Если бы онъ еще продолжалъ свою жизнь, мѣтъ пришлось бы удержаться отъ многихъ выводовъ, дожидаясь по крайней мѣрѣ еще одного сезона, но теперь, когда театръ, увы, къ болыиому огорченію всей художественной Россіи, прекратилъ свою жизнь, умеръ, не сказавъ еще громко своего ошпательнаго слова, можно говорить и должно не замалчивать этого отраднато явленія въ русской жизни, разбитато, быть можетъ, неудачнымъ хозяйственными постростеніемъ, широтой размаха, несогласованностью членовъ хозяйственной дирекціи между собою, словомъ, случайными, а не ошественными причинами.

Всѣ члены этого дѣла теперь разберемся не извѣстно куда; образуются изъ сокровищницы чуждато искусства, въ которыхъ одиакъ изъ главныхъ вдохновителей армянъ огнемъ горѣлъ талантливый и искренній К. А. Марджановъ,—рождаются новые дѣла или даже три театра,—«бытовухъ», лавочныхъ, для прѣданныхъ вѣсуювъ и мало интересныхъ, низкаго художественнаго явленія...

Какъ легучій огонь оставляетъ въ многочисленныхъ ушахъ дѣлательное тѣніе, которое, увы, уже не свѣтитъ и почти не грѣетъ...

Кому то достаются великолѣпныя занавѣси

дѣла, и костюмы «Елены Прекрасной», кто-то уже отшупилъ дорогія мягкія краса перваго ряда, бутафорію пастопящей китайской стилированной постановки, и иныхъ...

Явленіе сугубо печально, потому, что именпо такой театръ долженъ былъ найти средства къ нужной далъ Россіи его жизни...

Его вдохновитель Марджановъ теперь убавилъ судобой въ какой-то провинціальный городъ, кажется, Ростовъ и призванъ режиссировать въ чужомъ и чуждомъ дѣлѣ.

Подведемъ итогъ, можно положительно сказать, что сезонъ искусства и художественныхъ исканій въ Москвѣ заканчивается все-таки съ неудовольствіемъ, съ «футуристическимъ» отбѣскомъ показного, или продажнаго и съ небольшимъ количествомъ истиннаго...

Ф. Купавскій.